

Евгений Голубенко

Очерки ВОХРы

1977 год.

Объявление:

Воинская часть № 123456789 принимает на постоянную работу стрелков ВОХР. Иногородним предоставляется общежитие. График работы – сутки через трое...

Среди ленинградских гнилых болот, между Девяткино и Ржевкой, скрывается небольшой поселок Медвежий Стан. Вернее, скрывался, потому что на фотографиях, снятых со спутника и общедоступных для рассматривания в программе Google планета Земля, прекрасно видно во всех деталях каждое уцелевшее строение. Этот бывший военный объект аннулирован, и любой желающий может посмотреть аэрофотосъемку рассекреченных артиллерийских складов. В отличном разрешении видны даже вольеры собачьего питомника. Склады (по слухам) построены еще Петром Первым. Длинные закопанные в землю постройки, обнесенные земляными валами, предохраняющими от детонации. Суровая простота функциональной архитектуры. Вокруг лес.

Обслуживала работу складов рота солдат, а охранял отряд ВОХР по системе сутки через трое. Отряд сто пятьдесят человек.

ВОХР – военизированная охрана из гражданских лиц. Через каждые три дня нормальные свободные люди на сутки превращаются в зависимых солдат, а называют рядовой состав стрелками. Каждая из четырех смен имеет своего круглосуточного начальника, а над ними всеми царит начальник караула. Начальник караула работает ежедневно, а в ночь выходит по графику дежурств в очередь с офицерами воинской части.

На охраняемую территорию имеют доступ только офицеры с солдатами срочной службы. Целыми днями они переставляют с места на место ящики со снарядами. Иногда грузят их в вагоны. Иногда разгружают. Барахла этого скопилось так много, что и возле складов на открытом воздухе стоят накрытые брезентом штабеля. Можно приоткрыть завесу военной тайны и шепотом сообщить непосвященным: оружие и боеприпасы к нему никогда не хранятся вместе, на одной территории.

* * *

На сторожевой вышке, невысокой, метров шести, глубоким сном спит стрелок ВОХР.

* * *

Остановка на шоссе среди леса. Миша вышел из автобуса, идет по бетонной дорожке. Впереди за деревьями кирпичная башня вроде станционных водонапорных. За башней небольшой поселок: несколько каменных домов и двухэтажный деревянный барак зеленого цвета с вывесками: «Штаб отряда ВОХР» и «Общежитие».

Фактура – как в старых советских фильмах про войну. Суровая мрачная разруха без излишеств. Кабинет парторга. Запах ваксы и клопов. А может, дезинфекции? За столом сидит Карп Иванович – местный «Карацупа». В зубах – «Беломор», в ногах – старая черная дворняжка Волчек.

Миша:

– Художник, не прошел по конкурсу, в армии не служил.

Карп Иванович:

– Причину назовите.

– Травматология, в мирное время к службе не годен, бегать не могу.

– Нам это неважно, главное, чтобы не по психиатрии комиссовали. Здесь оружие на руки выдают. Какая статья? Ага, вот ваш билет военный. Статья 14-б, ясно. Далее, устав караульной службы выучить наизусть, подписка о неразглашении военной тайны.

Будете писать письма – имейте в виду: у нас выборочные проверки, перлюстрация, чтобы не писали чего не следует. Бывает, и адрес обратный не могут правильно запомнить, пишут и Волчий Стан, и Медвежье Стан, и даже Медвежий Стон. Почтальон наша принесет – она привыкла, ее и Лисье Логово на конверте не смутит. Теперь идите на склад. Получите обмундирование: шинель дается на три года, сапоги на год. Работать будете в третьем карауле, там людей не хватает. Начальник караула из ваших, из художников. Фамилия Авдеев. Может, и знакомый ваш.

Знаки различия вохровские, как у Красной Армии до введения погон, это усиливает впечатление попадания в ретро. В петлицах кубари на зеленом фоне. Форма черная.

Большую часть барака занимает общежитие. Запущенное. Межкомнатные перегородки тонкие, фанерные, обои засаленные, слышимость стопроцентная. Но, с другой стороны, никто не цепляется к жильцам, если нужда заставит забить в стенку лишний гвоздь. Эту постройку невозможно ухудшить. Туалет без кабинок, общий.

* * *

Сторожевая вышка невысокая, потому что местность ровная. Днем видимость хорошая на большом расстоянии. Вышка деревянная, на четырех опорах и с балконом по периметру. Надоест сидеть сиднем – можно прогуливаться. Окна застеклены, и чтобы зимой не запотевали, на подоконниках стоят самодельные обогреватели из асбестовых трубок. Стрелки в сильные морозы их часто ломают, стараясь примоститься на источник драгоценного тепла своим задом.

Сплошная масса голых колючих ветвей издали кажется чем-то нежно-пушистым. Так же и молодая изумрудно-зеленая трава. Хочется кататься-валяться по бархатному склону, а на деле острые штурпаки и колючки. Стрелок спит, как волк в лесу, короткими урывками, поминутно испуганно озираясь. И снов видит множество.

* * *

Раннее утро. Возле общежития построение смены караула. Стрелки почти все женщины. Больше двух третей. Мужчин мало и похожи они на банду Махно (вернее, на ее кинематографическую версию). Большинство из них художники. Несколько вольных слушателей академии художеств лохмато-бородатых. Их антагонисты, фанаты монументальной школы училища им. Мухиной, не поступившие, но сохранившие надежду преодолеть большой конкурс в будущем, тоже накапливаются здесь из года в год. Превращаются в сторожей-монументалистов. Но есть и несколько философов. Будущих, если удастся поступить в университет. Встречаются и прозаические технари. Кто-то не прошел конкурс на стационар и учится заочно, пошел на ВОХРу ради прописки с общежитием. Есть много людей из Средней Азии. Этим таскаться из такой далечины на каждую сессию просто не по карману. Они оседают на ВОХРе, обзаводятся семьями. Со временем даже прикупают избышки в соседней деревне.

Шинели подогнаны у всех по-разному. Есть и клеша до пят, есть и укороченные, слегка прикрывающие зад. В эту основную массу стрелков-лимитчиков вписывается и элита: человек

восемь кочегаров и столько же собаководов. Они работают по той же схеме сутки через трое – выходят по два человека в смену.

Переключка. Погрузка в автобус пенсионного возраста. Дорога через лес. Первая группа вышла совсем недалеко от общежития. Их караулку (небольшой одноэтажный домик) видно за прозрачными деревьями. Вторую группу высадили в двадцати минутах езды от первой. Тоже домик небольшой у дороги. Охраняемая территория – замкнутый круг (вернее, сложная кривая), периметр девять километров. На каждый караул получается около трех километров ответственности. И людей в каждом приблизительно одинаково. Склады военные внутри леса – их не видно. Не доезжая метров ста до последней караулки, на подъеме автобуса застрял в глубокой грязи. Девушки в черном вышли из автобуса, обняли его, прижались грудью, уперлись плечами и, раскачав, вытолкнули на сухое место.

Последняя караулка разделена внутри на неравные части. Меньшую занимают собаководы, и питомник служебных собак находится тут же, рядом. Каждое караульное здание окружено колючей проволокой. Все охраняемые территории имеют свои слабые места, изъяны, поэтому писать подробнее значит разглашать военную тайну.

Один дизайнер сказал, что нет ничего красивее самолета-истребителя, потому что в нем нет ни одной детали, сделанной для красоты, дизайн охраняемой территории тоже абсолютно утилитарен. В лесу вырублена просека. От деревьев она отделена с обеих сторон колючей проволокой. Столбы линии электропередач для ночного освещения, деревянные мостки-трапы проложены от вышки к вышке, чтобы не утопать в грязи болота. Лаконичность и графическая простота – особенно зимой. К началу лета контрольная полоса буйно покрывается северными цветами. Раньше всего из грунта вылезает нечто желтое, пушистое, на коротком стебле. На болотистых низинах у реки расцветают дикие каллы и ирисы. Лиловый иван-чай и множество всяких трав, в которых прекрасно разбирались русские писатели-помещики. Водяные крысы возятся у берега. Иногда можно спугнуть зайца в высокой траве. Забредают и лоси. Осенью сухостой перепахивают, и контрольная полоса до первого снега сочно-черно-

го цвета. Деревянная дорожка на полметра выше почвы. Но это только до начала снегопадов. Постепенно она превращается в глубокую траншею среди снежного поля.

* * *

Стрелки для удобства сна на всех постах оторвали сиденья от середины деревянного пола и придвинули их к стенкам. Эти сидушки сделаны, как у барной стойки: высокие, такие, что ноги до пола не достают, и были прибиты гвоздями – незачем спиной к стенкам прислоняться. Начинающему стрелку в первые несколько смен мерещится, что стоит на секунду отвернуться, а нарушитель уже проник на территорию. Он вертит головой туда-сюда, изнуряет себя страхами. Потом это проходит. В семидесятые годы боеприпасы никому нафиг были не нужны. Бояться приходилось только сумасшедшего. Рассказывали про одного обиженного начальством, уволенного по статье, который якобы пытался проникнуть внутрь территории. Стрелок на посту на самом деле охраняет себя и свое оружие, за его сохранность больше всего боится. Но люди бывалые и к этому страху относились иронически. Кому нужен громоздкий тяжелый карабин? В преступном мире ценился пистолет, поэтому, выходя на проверку глубокой ночью, только дежурный по части офицер имел небеспочвенную причину для страха. Хотя так же очевидно, что добыть пистолет в городе, отобрав у пьяного милиционера, легче, чем у трезвого осторожного военнослужащего среди леса.

* * *

Миша сидит на вышке. Справа и слева строго по законам перспективы, удаляясь, уменьшаются столбики с колючей проволокой. Хорошо видны вышки: предыдущая и последующая – это его сектор наблюдения. Минуя вышку предыдущую, появилась черная точка. Она медленно растет. Уже виден человечек, уже видно, что это женщина-проверяющий. Миша вышел на балкончик. Встречает:

– Здравствуйте.

Проверяющая подошла к вышке:

- Что еще за здравствуйте? Что вы должны говорить по уставу?

- По уставу я должен сказать: «Стой, кто идет!».

- Так в чем же дело?

- Но я же вижу, кто идет, я вас знаю. Вы меня не узнаете? Вчера вечером в общежитии мы чай вместе пили, вы к Жоре приходили, не помните?

- Приходила, не приходила, вы на работе и я на работе, даже если мама ваша будет идти, нужно по уставу!

- Понял! Стой, кто идет!

- Дежурная по караулу Петрова.

Миша снял трубку телефона:

- Пост номер шесть, дежурная по караулу Петрова.

- Пропусти, - ответили в трубке.

- Проходите.

- Сейчас собак поведут, лучше не высовывайся, особенно Марта коварная - может цапнуть.

Проверяющая прикинула, успеет ли до следующей вышки раньше собак, и быстро пошла дальше.

Чтобы примириться, усвоить какие-нибудь правила, нужно найти им разумное объяснение. Спрашивать, «кто идет», когда и так прекрасно видно, кто идет, - это чисто ритуальное действие, и как только слово найдено, становится легко произносить тексты из устава караульной службы. Потому что стрелок ВОХР в момент проверки является служителем культа «сторожения». И все участники действия обязаны подыгрывать друг другу.

Собак было много. Штуки четыре были на сворках, а еще столько же суетились вокруг. Вел их высокий парень босиком. У вышки он остановился:

– У вас нет сигареты? Не бойтесь, выходите, они не тронут. У Марты течка, я ее не взял, а эти не кусаются.

– Вам не холодно, вроде не лето на дворе, а вы без обуви?

– Нет, мне жарко, я же бегом, можно было бы и быстрее бежать, но собаки устают. Всех расставлю – вот тогда вдвоем мы с Эпосом и побежим наперегонки.

Возле него вертелась собачка небольшая и единственная среди всех не овчарка – дворняжка рыжая.

– А это что у вас за «волкодав» некондиционный?

– Овчарка у нас сбежала больше года назад. А эта, наоборот, приبلудная, ей у нас понравилось, не хочет уходить. Питание регулярное: каша овсяная и кости полагаются, все качественное, я сам с ними ем. Так мы ее под тем же именем и держим теперь. Мы с Эпосом друзья.

* * *

Работа сутки через трое очень привлекательно звучит для уха, но на практике для нормального организма изнурительно отвратительная. Никакие трое суток отдыха не компенсируют бессонной ночи. Даже летом. Даже в удивительные белые северные ночи с соловьиным пением. А тем более ночи на сорокаградусном сыром морозе. Сырой мороз порождает в воздухе микроскопические блески. При полном безветрии они плавно кружатся вокруг. К концу третьего дня только начинаешь перестраиваться, приходиться в себя – уже надо опять идти на смену.

* * *

Комната в общежитии. Миша пришел со смены. Лицо опухшее от бессонной ночи, глаза воспаленные. Двое жильцов пьют чай. На одной из кроватей лицом к стенке спит человек. Миша, кивая на спящего:

– У нас пополнение?

– Да, еще вчера днем подсадили, коллега твой, тоже художник. Нужно разбудить его, он просил к чаю его поднять.

Миша сел на кровать, снял сапоги и, не раздеваясь, залез под одеяло, от света укрылся с головой, попытался уснуть.

В дверь постучали. Это пришел сосед, собаковод Шахматов, любитель бегать босиком. В руке он держит большую белую кость:

– Я вот не могу решить, хочу посоветоваться, ребята, стоит эту кость варить или нет? Один раз я ее уже варил, как вы думаете, осталось в ней еще что-нибудь питательное или нет?

Жилец Жора повертел кость в руке:

– Зачем ее варить, отдай так собакам.

– Так я же не собакам – себе сварить хотел.

Жора открыл дверцу шкафа, вынул кастрюльку, принялся:

– У нас есть макароны, я их есть не могу, крыса их вчера на стол вывалила... Ела, не ела, но я брезгую после нее.

Шахматов обрадовался:

– Я съем, это бывает, это ничего, крысы в общежитие полезли, потому что бульдозером мусорную кучу разворотили.

Новичок проснулся и прислушивается к разговору:

– Нужно сделать крысоловку и в нее двести двадцать вольт на наживку, мы в армии так делали...

– Бесплезно, их тут миллион, в собачьем питомнике они из одной посуды с собаками едят, я тоже с ними ем – еда хорошая, очень калорийная, – Шахматов с макаронами присел к столу.

* * *

Если внутри вышки положить карабин прикладом на один подоконник, а ствол пристроить на перпендикулярный, сверху бросить шинель – получается удобное сиденье с большим обзором. И гарантия, что если уснешь крепко, проверяющий не выдернет из-под тебя оружие, не разбудив. Стрелок крепко спит, а периметр бесшумно перебегает стадо диких свиней: худых, на длинных ногах, поджарых, как собаки. После такого визита в колючей проволоке рваные отверстия. Мише в глаза светит солнце. Оно только-только поднялось над лесом. И в не совсем проснувшейся его голове смешался солнечный свет с недавним происшествием. Реальным. Миша бредет по лесу возле поселка

и на опушке видит, как метрах в пятидесяти от него на земле что-то нестерпимо ярко сверкает. Он подошел к этому зачарованному месту и понял, что перед ним гора битых зеркал. Несанкционированная свалка отходов с зеркальной фабрики. Такая прозаическая причина блеска. Осколки лежат давно, уже слегка присыпаны другим мусором, и все равно, когда он встал на зеркала посреди кучи, волшебное прекрасное чувство перевернутого мира охватило его. Под ногами было небо. Миша окончательно проснулся.

* * *

Общежитие. В комнате Миша и Саша Авдеев, начальник караула. Миша чистит картошку:

– Это сюрприз для меня, не думал, что когда-нибудь после защиты встретимся. Я, правда, и про себя не думал, что здесь окажусь, под Питером среди гнилого болота и в вохровской робе.

Саша:

– Ну а куда мне деваться? Домой ехать и всем рассказывать, что я в академию не поступил, – стыдно. А здесь таких, как я, мало. Отслуживших в армии, я имею в виду. Бабье в основном. Ты же тоже не служил, комиссовался. Поэтому у меня преимущество перед тобой большое – на вышку не послали сидеть. Мой опыт здесь в цене. Я в армии старшиной был. Мне и повезло к тому же. Место случайно освободилось. Бывший начальник нашел дико престижную работу в городе: приемщиком багажа пошел на Витебский вокзал. Теперь вами, сопляками, я командую. Зачем нужна шука, не знаешь? Чтобы карась не спал! Ха-ха-ха. А ты же куда поступать не собирався вроде? Зачем в Питер рванул?

– Мне все равно где торчать. У меня жилья нет нигде. Я могу только с пропиской работу искать или ехать по распределению в село. Преподавать рисование в средней школе. А это место уже несколько поколений выпускников Мухи и академии передают по наследству. Можно на каждой вышке мемориальную доску с именами нынешних мэтров прицепить. А ты почему в колхоз не поехал? Мог бы сейчас детям в школе рисование и черчение преподавать.

– У меня пятерочный диплом, я себе вольное распределение взял. Именно рассчитывал слету, пока кровь играет, в академию поступить. А для школы я негодящий, когда вижу в классе голые коленки восьмиклассниц – у меня язык к небу прилипает, слова не могу сказать. А ты представляешь, какие восьмиклассницы в селе? Вскормленные на деревенском сале?

– Ты же вроде как женат был?

– Да, жена у меня есть, но я ей не нужен. Я ей не подхожу. Слишком сильно она меня возбуждает, очень быстро все происходит. Она только разогреется, а я уже готов, для меня все кончилось. Люблю ее. Не успею потрогать ее, прикоснуться и... увы. Интересно, что с другими все нормально. С теми, что нравятся не очень. Долго могу быть, а с ней – ну никак. Один запах сводит с ума.

Дверь без стука отворилась и в комнату вошла черная собака, следом за ней без всякого «Здрасте», молча, зашел Карп Иванович, парторг. Пошарил рукой на шкафу, нашел пачку «Беломора», вытащил пару штук и так же без эмоций удалился.

Миша:

– Немая сцена – те же и Карп Иванович.

Саша:

– Как призрак этих мест... Чекист бывший. И к имуществу отношение коммунистическое – частную собственность не понимает. В авиации есть должность стрелок-радист, мы здесь стрелки-художники, а Карп Иванович получается стрелок-стрелок.

Миша:

– С натяжкой, конечно, потому что папиросы не стреляет, а без спросу берет.

Саша:

– На посту спишь, небось, как сурок?

Миша:

– Если повезет заснуть, то отчего же. Иногда ждешь смену и мечтаешь – мне бы только до лежака дойти. А когда сменился, пробежался, взбодрился, лег – и ни в одном глазу. Ворочаешься, и мысль в голове одна только: ну что за напасть – час отдыха остался, а я не сплю! Минут за десять до подъема вырубись в глубокий сон – уже будят, вставайте, ребята. А я не понимаю со сна, где нахожусь. Заметил, что тут контингент резко делится

пополам: одни спят, как свалятся и где придется, а у других бессонница – круглые сутки на ногах и ни в одном глазу.

– Представляю, как я тебя, салагу, на посту спящим застукаю. Затвор вытащу.

– Не бойшься, что я тебя шлепну с перепуга?

– Ладно, не злись, шутка это. У нас в роте капитана застрелили. Первая пуля в лоб, а вторая в воздух. Свидетелей нет. Кто докажет, что часовой первый раз не в воздух выстрелил?

– И чем все это кончилось?

– Солдату отпуск дали.

* * *

На посту крепким утренним сном спит стрелок. Он улегся, раскинулся на балконе, чтобы спине дать отдохнуть. За колючей проволокой, за наружным ограждением, бродит грибник. Он хотел бы пролезть на охраняемую территорию – там грибов больше, но боится заснувшего стрелка. Видит его, зовет, пытается привлечь к себе внимание, но стрелок не слышит.

* * *

Развод караула. Перед общагой построение. Перекличка. Начальник отряда просит слова:

– На повестке дня два вопроса. Первый: у нас ЧП. Поступило заявление от девушки-стрелка Ким Ен Дя из третьего караула об изнасиловании ее группой солдат из роты обслуживания складов. Дело было так: трое солдат предложили ей выпить с ними, она согласилась, а затем они по очереди были с ней. Судя по заявлению, факт изнасилования обнаружился ею только наутро. Лиц своих насильников она не запомнила. Очевидно, что ей, женщине корейской национальности, лица европейские все кажутся одинаковыми. Совершенно непонятно, на что она рассчитывала, уединяясь с военнослужащими для распития. Это всем присутствующим информация к размышлению. Второе: на сегодня у нас запланировано учение по тушению пожара. Сейчас наш пожарник покажет, как обращаться с огнетушителем.

Под забором навалили большую кучу бумаги и подожгли ее. Пожарник ловко перевернул огнетушитель, потянул за ручку. Вместо напора пены из огнетушителя потекла какая-то вонючая дрянь. Он ударил огнетушителем об землю – ничего не получается. Огонь не на шутку разгорелся. Смеяться перестали, испугались и начали тушить. Растоптали – разбросали.

Одновременно с разводом караула комендант общежития по доносу вахтера ломится в комнату молодого длинноволосого блондина – Сергея. Обыск на предмет неуставных отношений между разнополыми стрелками. В комнате живет не только подозреваемый в аморалке, еще трое, но соседи на суточной смене, и он уединился со своей девушкой. Комендант решила захватить их «тепленькими» спозаранку. Парень мечется по комнате, ищет, куда спрятать любимую. Сует ее в шкаф (хотел на улицу в окно выпустить, но там сидит засада на перехвате). Сергей демонстративно распахивает дверцу шкафа перед носом коменданта, истерически кричит: «Нате, ищите! Позорьтесь! Ройтесь в вещах! Я ее в шкафу прячу!». Быстро ерошит вещи – так, что ничего не разобрать, и резко хлопывает укрытие. Разглядеть прикрытую тряпками и свернувшуюся в клубок девушку облава не успела.

* * *

Караульное помещение. Девушки собираются готовить обед. Поскольку в течение суток стрелки отрезаны от внешней жизни, им приходится заботиться о еде заранее. Еще на предыдущей смене составляют список нужных продуктов и распределяют на всех поровну. Мужчин не напрягают покупкой мяса или чего-то, в чем они не очень разбираются. Хлеб, чай, сахар, картошка – обычный набор мужской повинности в общий котел. Зато в лесу есть грибы. Но по уставу стрелок не имеет права находиться внутри охраняемой территории. Начальник смены Валера снаряжает Мишу нелегально, втихаря, разжиться грибами:

– Далеко не заходи, держись возле колючей проволоки. С карабином не таскайся, спрячь в кустах. Самое главное: если попадешься, вали все на меня. Говори, что с моего разрешения пасешь

ся. В таком случае я отделаюсь выговором. Если сдуру станешь меня выгораживать, скажешь, что полез самовольно, – меня уволить могут за отсутствие контроля над подчиненными.

Миша и попался. Там грибок, там два... Увлекся и забрел на склады. Солдаты его приняли за диверсанта. Обрадовались добыче, потому что если бы это матерый «враг» оказался, им бы отпуск дали за ретивость. Выглядел грибник действительно многообещающе: в дождевике до пят и с огромным столовым ножом в руках.

* * *

Два стрелка отстояли смену и бегут рысью в караулку. И оставляются озадаченные. На их пути стоит старый лось. Туша в полтонны весом. С виду спокойный, но что у него на уме? Если погонится – убежать некуда. По контрольной вспашке даже идти трудно. Пока они в раздумьях, время их законного короткого отдыха уменьшается неумолимо. Стрелки открывают по лосю беглый огонь на поражение. Но зверю хоть бы хны. Он ехидно ухмыляется, и Миша просыпается, постепенно понимает, что это приснилось ему. Приснилось от давешних разговоров про лосиную неприкосновенность. Охраняемая территория одновременно является и зоной заповедника, стрелять живность запрещено.

По деревянным дорожкам-трапам с серьезно деловитым лицом идет караульная кошка. Иногда надолго присаживается и смотрит в траву. Неподвижно. Иногда прыгает. Но на большом расстоянии понять, успешна ли ее нелегальная охота на мышей-полевок заповедника, невозможно.

* * *

Караульное помещение, день. Комната отдыха. В комнате длинноволосый блондин Сережа, начальник смены Валера и начальник караула Саша Авдеев. На столе стоит пятилитровая бутылка, на самом дне немного голубой жидкости. Их гость шофер Виролайнен расхваливает ее:

– Я могу поклясться здоровьем тещи – это чистейший денатурат!

– Денатурат – это спирт с добавкой красителя, – возражает начальник смены Валера, – слово «чистейший» в данном случае это абсурд.

– Но я отвечаю! Мы уже неделю его пьем, и еще никто не умер, – злится Виरोлайнен.

– Со мной учился один сельский хлопец, Мыкола, – начал Саша, – однажды он приезжает после праздников на занятия и всем хвастается, что привез из дома бутылку самогона. Жил он в общежитии, и ребята решили подшутить, выпить его пойло без него. Порылись в вещах, нашли бутылку. Надо сказать, что мысль эта их посетила уже в разгар пьянки. Сколько было выпито до этого – не знаю. Откупорили его бутылку, запах не понравился, но жадность штука сильная – выпили. Зашел к ним гость, ребята и его решили угостить, он понюхал – ацетон. Они ругать его, дескать, харчами перебираешь, а он уперся – ацетон! Провели следственный эксперимент – подожгли. Горит, но совсем иначе, чем спирт. Тошнило их ужасно. Клялись, что если не умрут – бросают пить. Один выживший даже надпись для себя памятную сделал на стене: «Если выпью каплю алкоголя – то я подлец».

– А куда же самогонка подевалась? – заинтересовался Виролайнен.

– Он самогон с другими выпил, в другой компании, а ацетон привез, чтобы кисточки мыть, – закончил рассказ Саша.

– Ладно, я разливаю, тут все равно по чуть-чуть осталось, – Виролайнен разлил жидкость, и все, кроме Валеры, ее выпили.

– Я у тебя, Виромайнен, как у бывшего ветеринара хотел бы спросить... – вкрадчиво произнес Валера.

– Я не Виромайнен, я тебе сто раз говорил.

– Ну, нашему русскому уху так привычнее, майна-вира, вира-майна, но я хотел у тебя уточнить как профессионала, если ты собираешься вводить вакцину свинье или корове, то как ты рассчитываешь количество препарата?

Виролайнен без запинки, как на зачете, ответил:

– На живой вес надо считать, взвесить животное и по показаниям отмерить дозу.

– Вот! – торжественно объявил Валера. – Теперь объясни мне, почему я, человек сорока девяти килограммов веса, всю жизнь

обязан по нашим национальным обычаям пить наравне с восьмидесятикилограммовыми мужиками?

– Тут есть человеческий фактор, отклонение от зоологии, – задумался бывший ветеринар, – вспомни Редькина, сморчок сморчком, а выпить мог ведро.

Валера:

– Сейчас он за разбойное нападение сидит: на Петроградской стороне выхватил сумочку у женщины, а убежать не смог – прокуренные легкие и алкоголь в крови. А она спортсменкой оказалась, догнала, избила и сдала ментам. Да, про Редькина ты прав. В прошлый Новый год, – продолжал Валера, – мне на смену выпало утром первого января. Саша Редькин в моем подчинении тогда еще работал. Пришел на смену он в драбадан пьяный. Удивительно, что вообще о работе вспомнил. Поставил я его на седьмой – от глаз начальства подальше. До пятого поста он полз, как Маресьев, по снегу, а девушки помогали – несли его карабин. А после пятого Редькин отключился. Они посадили его на лопату для чистки снега и довели до поста.

Но на вышку затащить сил не было – бросили спать на снегу. Часа через два он отошел, оклемался...

Сереза:

– Я тоже его помню, он с причудами был странными. На посту, чтобы не скучать, выковыривал пули из патронов. Порох высыпал на подоконник и делал маленький феерверк, а пулю потом забивал обратно в гильзу.

Саша:

– Но если таким патроном выстрелить – можно покалечиться. Он что, был идиот?

Валера:

– Не он единственный, сюда из-за нехватки людей и шизофреники попадают, и полуслепые. В прошлом году Юру собаковод обстрелял сосед по общежитию, в темноте принял за нарушителя, пурга была, метель. Есть такие люди: чуть что – передергивают затвор.

Сереза:

– Был еще один чудик, любил журналы читать типа «Техника молодежи» или «Наука и жизнь». Прочитал где-то, что если приложить ухо к земле, то звук шагов можно услышать за километр. Спустился с вышки вниз. Лежит, слушает. Дежурный по части к нему подошел, что вы делаете, спрашивает. Тот вскопчил с перепуга:

– Вас жду, товарищ подполковник!

В комнате-сушилке уединился Миша с гостями. Пришли солдаты из части. Прослышали про художников среди ВОХРы и хотят наколоть татуировки. И Валера, и Саша от них отбоярились, а Миша по малодушию согласился нарисовать, при условии, что колоть будут себе сами. Человек из Таджикистана настойчиво требует нарисовать ему на спине «кладбу». И Миша, и товарищ солдата не понимают, о чем речь. Рисуи ему «кладбу» – и все. Догадались, в конце концов, что хочет кладбище. И тут встал вопрос какое: русское, еврейское, мусульманское? Тот понятия не имел, что бывают разные «кладбы», другие, чем в его ауле. С русского-ворящим было проще – тигр на животе, такая у него мечта. Надул живот, по рисунку наколол обычной швейной иглкой, окуная в тушь. Колол не точно по линии, а как придется. Получилась

сморщенная кошка. Тушь они украли в «красном уголке». А Миша дал маху. Принес солдатам из кухни кружку, чтобы помочь с распитием одеколona. С горла его не пьют, слишком маленькое отверстие. Пришлось кружку выбрасывать на помойку – запах остался, ничем не истребимый. Зато опыт визуального наблюдения за удивительным мгновенным покраснением носов остался на память о событии. Явление, зеркально противоположное сильному обморожению. Там нос отдельно от всего лица становится мертвенно-белоснежным.

* * *

На улице холодно, а на вышке обогреватели, и ожила муха. Иногда внутри стенок что-то шуршит и скребется – может, мыши. В каком бы настроении не заступил на пост, к концу четвертого часа оно изменится без всякой понятной уму причины.

* * *

Саша Авдеев вышел на проверку. Как тать крадется. Глубокая ночь. Самый сон. Между ближними от караулки вышками, как лиса в зоопарке, туда-сюда мечется студент-философ Гриша. Он никогда не спит на посту. Такой у него дар или проклятье. Неизвестно. Также ему никогда и не холодно почему-то. Но усидеть на месте ему трудно. Предпочитает ходить – это по уставу не возбраняется.

Миша на своем посту дремлет урывками. Из караула позволили, чтоб не спал, что проверяющий идет. Если поймали спящего подчиненного – то у начальства неприятности. Глаза лезут на лоб от напряжения. От всматривания во тьму. Идет или не идет? Может, померещилось? Что это черное? Миша заснул на мгновение, испугался, вскочил, смотрит на дорогу – так и есть, идет, уже явно видно фигурку. И заснул стоя, и упал на колени, и проснулся. Подбородком об подоконник ударился. А Саша уже совсем рядом, уставную отметку пятидесятиметровую прошел, уже к вышке подбирается.

– Стой, кто идет! – орет Миша во тьму.

– Дежурный по караулу Авдеев!

Миша звонит в караул.

– Пропусти, – командует начальник смены.

– Ну что, боец, разбудил я тебя, крепко ты кемаришь!

– Я не сплю, хотел поближе подпустить...

– Рассказывай, все равно поймаю.

Саша зашагал к следующему посту. Отошел недалеко и тихонько повернул обратно, крадучись. Миша еще не спал, молча вышел на балкон вышки. Саша рассмеялся и пошел обратно.

* * *

Комната в общежитии, приспособленная под мастерскую скульптора. Чугунные чаны с глиной, деревянные щиты, основа для рельефа, мешки с алебастром. Начальство воинской части решило сэкономить – не нанимать в худфонде мастеров за немалые деньги, а поручить своим стрелкам, скульпторам-недоучкам, изготовить мемориальный комплекс на территории части. В награду за усердие – освобождение от караульной службы. Три человека под руководством вольного слушателя академии художеств ваяют рельефную сцену из героического прошлого воинской части. Противотанковый расчет сражается с превосходящими силами врага. Увы, по качеству исполнения это далеко не Пергамский алтарь. И военный антураж второй мировой: портянки, кирза, гимнастерки и покореженная техника не сильно вдохновляют авторов, воспитанных в любви к античной красоте человеческого тела, пускай иногда для древнегреческого смеха и с лошадиной примесью. Короче, не романтическая битва красиво задрапированных греческих богов между собой. Любой начинающий с минимальной подготовкой художник проходит через постижение гармонии по античным образцам. Носы рисует греческие, уши и глаза. А мода современная в живописи и скульптуре его окружает совсем другая: импрессионистическая по форме, а соцреалистическая по содержанию. Помимо тоски в армейской специфике заказа есть обязательство точного воспроизведения амуниции, знаков различия, строения оружия. Если схалтуришь, вылепишь затвор винтовки приблизительно или шнуры армейских боти-

нок не проработаешь тщательно – обязательно вояки придерутся, «поставят на вид» и заставят переделывать. Даже пуговицы пересчитывают, не ленятся.

Лысый с длинной бородой скульптор, приживший на ВОХРе уже двоих детей, получивший комнату в семейном общежитии, окончательно оставил надежду на учебу в академии. Он здесь даже карьеру сделал, дослужившись до начальника одного из караулов. Но тяга к любимому занятию никуда не делась, тлеет в нем, как залежи торфа под землей. Федя лепит колесо пушки и рассказывает товарищам: боброобразному крепышу и мужчине сублильному, немолодому:

– Шел мимо Муринской церкви на днях. Вижу, двери настежь, и мужики в спецовках что-то таскают туда-сюда. Зашел. Зрелище мне предстало охренительное. Церковь восемнадцатого века, русский классицизм. Все подкупольное пространство занимают пятнадцатиметровые глиняные модели двух революционных бойцов. В едином порыве устремленных на врага. Ружья, штыки – все как положено. Сочетание с интерьером дико выразительное... Я знал, что скульптора взяли церковь в аренду, но заглянуть внутрь раньше не случалось... Был бы моложе лет на десять – пошел бы к ним глину месить.

Немолодой сублильный перемешивает, готовит глину для Феде:

– Мне тридцать, а ощущение, что жизнь уже прошла. Я, как и ты, женился рано и все время как белка в колесе, как заводной Буратино: на работу – с работы, на работу – с работы. Слесарем на автобазе. И вот однажды что-то во мне щелкнуло: «Неужели жизнь так и пробежит?». Я всех бросил и поехал поступать в академию художеств. Не поступил, конечно. Но отступать не намерен, буду готовиться, буду землю носом рыть. Обратно в Гомель не поеду.

Боброобразный:

– А семья что?

– Я их очень люблю. Семья не пропадет. Жена и трое детей у меня. Двенадцать лет, десять лет и восемь – одни девочки. Государство их не бросит. Государство позаботится. Восемь лет, двенадцать и десять лет. Позаботится государство – я уверен.

Крепыш посмотрел на одержимого, как на больного:

– Не стоит на поступлении зацикливаться. Я давно наблюдаю за вечными абитуриентами. Это состояние, ожидание нового этапа в жизни, только откладывает решение проблем. Им кажется, как только они поступят в вуз, все их беды окажутся позади. На деле все только тогда и начнется. И чем больше было попыток (я наблюдал пять неудачных поступлений своего товарища), тем тяжелее учиться потом, и часто сильное разочарование вызывает депрессию, приводит человека к пьянству и побегу. Двоих отчаянно поступавших много лет подряд я запомнил как бросивших учебу через год.

* * *

Караульное помещение. Кухня. Девушки готовят обед. Отдыхающая смена распивает чай. Сережа, длинноволосый блондин, возбужденно рассказывает:

– Ночь. Горное ущелье, вышла полная луна. Я еду верхом на лошади по узкой тропинке. И вдруг какая-то тень метнулась ко мне. Лошадь захрипела, встала на дыбы, я хватаю автомат – и очередь, очередь...

– Это было привидение? Призрак погибшего в этих местах бойца? – спросил ехидно Миша.

– Да нет же! Это снежный барс был. Я убил снежного барса. В тех диких пограничных местах они еще встречаются.

– Он, наверное, очень голодный был, если на солдата с автоматом бросился, – заметил Миша. – А может, он солдата не заметил, хотел лошадью полакомиться.

Миша улыбнулся и вышел из помещения во двор...

* * *

На столе начальника зазвонил телефон. Валера снял трубку:

– Понял, да, все понял, действуем согласно уставу... – положил трубку. – Боевая тревога. Позвонили из части, кто-то видел, как на технику опустился парашютист.

Саша:

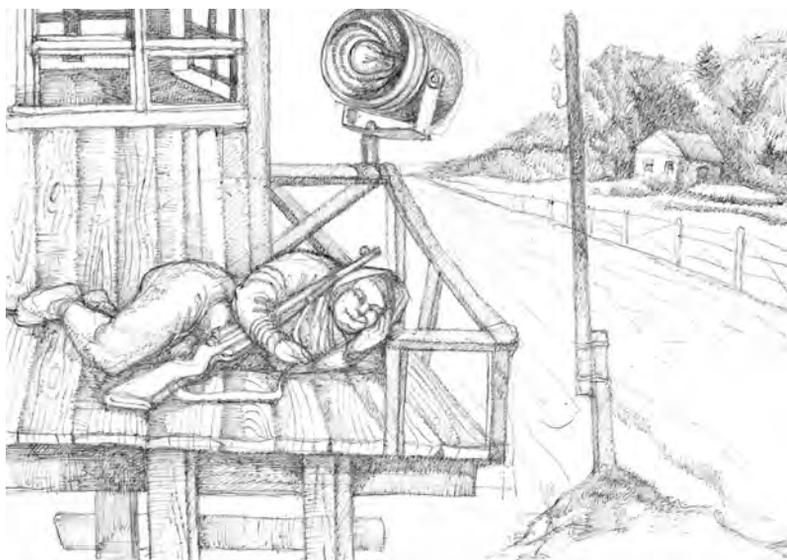
– Они на свадьбе перепились и дурака валяют! Сегодня же дочку командира замуж выдают!

Валера:

– Пьяные, не пьяные – мы должны действовать по уставу. Объявлена тревога, сейчас солдат пошлют прочесывать лес. Отдыхающей смене повезло, они, опять же по уставу, должны караулку охранять, а на вышках смены не будет до отбоя. Валера открыл свой начальнический письменный стол и, как некоторые женщины, чуть выдается у них свободная минута – принимают за вязание, достал свое рукоделье: начатую камео из слоистой раковины рапаны, резец с победитовым наконечником – и продолжил работу над гарнитуром из трех предметов. Грубую обработку он сделал дома при помощи стоматологической бормашинки, а тут, на работе, ему оставалось только довести до товарного вида. Такой набор, серьги и кулон, неплохо продавался с рук, через знакомых, или, на худой конец, через комиссионный магазин, что для мастера выходило не так выгодно. Еще Валера мечтал попасть в хорошую бригаду реставраторов-краснодеревщиков, но даже для начала переговоров с ними нужно было иметь свой набор резцов по дереву из ста пятидесяти предметов.

* * *

Миша на дальнем посту, возле реки, вышку заволокло туманом. Бороться со сном невозможно – глазу сосредоточить внимание не на чем. Заснул крепким сном. Сон. Он в школе. Участвует в художественной самодеятельности. На сцене так называемый монтаж. Каждый из учеников должен прочитать свой отрывок общей темы. Звучит: «То, что отцы не достроили, – мы достроим! То, что отцы не допели, – мы допоем!». Девочка в белой блузке подхватывает: «Свое бессмертие вам Родина вручила! И не забыты ваши имена!». Мишина очередь. Его отрывок пора читать. А он забыл свой текст. И Миша отчаянно выкрикивает: «Шел я лесом, видел чудо, три колхозника сидят. Зубы черные гнилые – лошадиный хуй едят!». В зрительном зале мертвая тишина. Ветераны с «иконостасами» орденов на груди внимательно смотрят на чтеца. Тогда Миша продолжил: «По болоту ходять утки, серенькие

крякают, мою милую ебут, только серьги брякают!». Миша посмотрел на испуганное лицо училки, и чтобы спасти положение, выпалил: «Людам маленького роста хуй сосать легко и просто!». И тут зал взорвался аплодисментами, овациями, от которых Миша на мгновение проснулся и тут же опять уснул. Ему снится, что он не выучил урок, и сейчас вот-вот вызовут к доске. Звенит спасительный звонок с урока. Это зуммер телефона. Миша проснулся, схватил трубку.

Валера из караулки:

– Объявлена боевая тревога, пьяному в части померещились диверсанты на парашютах, чушь собачья, но смены сейчас не жди, ее теперь не будет до отбоя тревоги.

Прошел час, два часа, прошло еще шесть часов, а отбоя не объявляли.

Миша давно и крепко спал. Снится ему красивый воздушный шар. Шар опускается на голые ветки леса. Со страшным треском шар лопается. Миша просыпается. Вдоль колючей проволоки, ломая кусты, идет цепь солдат – они прочесывают лес.

Глаза закрываются и видят костер. Опять треск веток. Уже в костре. Испуганный солдатами лось мечется возле колючей проволоки, ломает грудью и копытами мелкий подлесок. Лось пробирается вдоль колючей проволоки, тычется испуганно в преграду и в конце концов рвет заграждение грудью, ранясь до крови.

Следующий сон. Миша сидит за столом, опустив голову, на столе стакан водки. Голос за его спиной бубнит:

– Пока ты не выпьешь все до капли, не встанешь из-за стола, будешь здесь ночевать.

* * *

Караульное помещение. Ночь. Саша Авдеев собирается на проверку постов. Заряжает пистолет, засовывает в кобуру. Вышел на улицу. Где-то далеко, за лесом, орет громкая музыка, гулянка в военном городке в самом разгаре.

* * *

Первый сон стрелка Восьмеркиной.

Восьмеркина едет в автобусе. Зима. Стекла замерзли. Девушка спрашивает пассажиров:

– Какая сейчас остановка?

– Девяткино, – отвечают люди, – сейчас за поворотом у реки начинается Девяткино.

– Но этого не может быть! – пугается девушка. – Я Восьмеркина! Мне нужно в Восьмеркино! Зачем мне Девяткино?

– Нет здесь никакого Восьмеркино, и не было никогда.

Второй сон Восьмеркиной.

Комната в секретной части. За столом сидит особист Фонтанкин, перед ним на коленях стоит Восьмеркина. Фонтанкин:

– Шестеркина, нам стало известно, что вы поступили на работу с тайным заданием изучить расположение сладов, составить чертеж охраняемой территории с точным указанием всех грибных мест. Также нам известно, что вы очень любите сладкое и за коробку конфет готовы Родину продать...

– Это грубая ложь, меня оболгали! – голосит девушка. – Сладкое любит собака знакомых Пират! А моя фамилия не Шестеркина, и я учиться приехала заочно на кулинара! Я уже научилась варить патроны! И стреляю я в нашем карауле лучше всех! Прошлой осенью я пристрелила троих грибников!

– И тем не менее, я напоминаю вам, Шестеркина, что сама ваша фамилия обязывает к доверительным отношениям между нами... Известной степени интимной близости. А вы ищете расположения художника-рецидивиста!

Третий сон Восьмеркиной.

Она в белоснежном подвенечном платье. Он, жених Сергей, в генеральском мундире и фуражке на длинных волосах. Вокруг паника, беспокойство – невеста босиком, ей нечего обуть – у нее нет туфель. Подружки говорят, что это не страшно, это дело поправимое, если поверх платья надеть ей подсумок с патронами. Жених ведет невесту в свой дом. Снаружи выглядит как двухэтажный особняк, а изнутри это комната в общежитии. Они стучат в дверь, но им не открывают – сожители жениха заперлись и не хотят их впустить.

* * *

Саша идет на проверку. Вдали темный силуэт вышки, глаза слепит свет прожектора. Это пост Восьмеркиной. А на следующем посту спит Миша, и дальше по периметру спит стрелок.

На мгновение Миша проснулся, испуганно вглядывается в темноту. Ничего не видно. Глаза закрылись, опять сон: бежит большая черная собака, поднимается на вышку – это злая Марта, лапой трогает двери – хочет открыть. Миша дергает затвор – затвор заклинило. Марта говорит ему человеческим голосом: «У тебя не будет сигаретки?». От страха он опять просыпается. Из караулки звонят, предупреждают, что идет проверяющий. Миша решил не садиться. Вышел на балкон и прогуливается. Так есть шанс не уснуть, не пропустить дежурного. Садится на последнюю, верхнюю ступеньку лесенки. Прохладный воздух освежает, прогоняет на минуту сон. Смотрит вдаль и незаметно для себя опять отключается.

* * *

Авдеев приближается к посту, на котором, обняв карабин, спит Восьмеркина. Саша тихо поднимается по ступенькам вышки, берет рукой за дверь.

Полупроснувшаяся Восьмеркина стреляет в Авдеева, подстреленный, он летит со ступенек вниз. И это, опять же, очередной сон Миши – или, может, сон Восьмеркиной?

В части за лесом начался фейерверк, рвутся петарды.

Рисунки автора

